

М.А. Уксусов, Е.В. Александрова

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ АРКТИКИ: ПРАКТИКИ, ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И МЕДИА-ОБРАЗ

Исследование посвящено образу и тематической повестке социальной активности молодежи, которые формируются в информационном пространстве арктических регионов. Для выявления характеристик социальной активности молодежи Арктики авторы анализируют Интернет-публикации. Сделаны следующие выводы. Во-первых, образ социальной активности молодежи Арктики формируется информацией СМИ и органов государственной власти при отсутствии контента сайтов образовательных и научных учреждений, некоммерческих организаций и бизнес-инициатив. Во-вторых, доминантой стали событийные и эпизодические инициативы, что не отображает лучшие практики социальной активности и их вклад в развитие общества. В-третьих, наиболее выраженными тематиками стали мероприятия комплексного, культурного и профессионального характера, что может свидетельствовать о наличии идентичности у молодежи Арктики. В то же время информация о молодежном предпринимательстве, научно-исследовательской работе, журналистике, блогерстве, волонтерстве, досуге, IT-и проектной деятельности в повестке минимальна или вовсе отсутствует. В-четвертых, информация о социальной активности молодежи чаще отражает региональные инициативы, а описание инициатив всероссийского и межрегионального масштаба акцентирует внимание на мероприятиях за пределами Арктики. Выводы сопровождаются предположениями о возможных причинах и последствиях существования выявленных фактов с социологической и социолингвистической точек зрения.

Ключевые слова: Арктика; молодежь; молодежь Арктики; социальная общность; социальная активность; медиа-образ

Для цитирования: Уксусов М.А., Александрова Е.В. Социальная активность молодежи Арктики: практики, тематическая повестка и медиа-образ // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 2 (122). – С. 137–156. DOI: 10.15372/REG20240206.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социальная активность молодежи является одним из неотъемлемых компонентов устойчивого развития территории в плане обеспечения благоприятных условий для развития творческого, трудового и личностного потенциала как будущей основы общества, от которой будет зависеть экономическая, политическая и экологическая безопасность страны в отложенной перспективе. Именно поэтому проблематика социальной активности молодых людей не единожды освещалась как отечественными, так и зарубежными исследователями в контексте описания методологий оценки социальной активности молодежи [3; 7; 10; 14], обсуждения аспектов жизни молодежи и качеств, присущих этой социально-групповой общности [4; 9; 11; 13; 18], анализа деятельности молодежи и стратегий управления этой деятельностью [2; 6; 12; 17], а также попыток систематизации проблем исследования социальной активности молодых людей [1; 5; 8; 16]. Изучение этих и других аспектов социальной активности, реализуемой молодежью, позволяет исследователям не только углубиться в вопросы теоретических оснований категории социальной активности, типологии социальной активности и влияющих на нее факторов, стратегий развития, но и получить более прикладное знание: 1) о мотивации, приоритетах и ценностях, лежащих в основе действий молодежи и позволяющих более качественно планировать и реализовывать меры поддержки молодых людей; 2) о влиянии молодежной активности на социальную и политическую повестку, включая вопросы институциональных барьеров, медиакоммуникаций и восприимчивости политических и культурных лидеров и институций к мнению молодежи; 3) о роли интерсекциональности (способности разных видов притеснений, например сексизма, эйджизма, расизма и т.д., формировать индивидуальный опыт по отдельности или в совокупности) в социальной активности молодежи [15]; 4) о роли технологий,

используемых молодыми людьми в рамках реализации социальной активности, в развитии социума [16] и т.д.

В современных исследованиях во всем разнообразии изучаемых аспектов социальной активности не разделяются социальная активность и социальная деятельность, однако они концептуально отличаются друг от друга. В связи с тем, что как в теории, так и в практике отсутствует четкая граница между понятиями социальной активности и социальной деятельности, возникает проблема интерпретации эмпирических данных, получаемых в ходе исследований.

В настоящей работе *социальная активность* будет рассматриваться как деятельность по разрешению внешних и внутренних противоречий, переживаемых представителями социально-групповой общности, с учетом степени напряженности этих противоречий, необходимости дополнительного стимулирования данной деятельности, критериев ее оценки и соответствующего ее развития¹. При этом социальная активность включает творческую, научно-исследовательскую, экономическую, профессиональную активность представителей социально-групповой общности. В таком аспекте социальная активность будет противопоставлена *социальной деятельности*, которая представляет собой совокупность социально значимых действий, осуществляемых членом социально-групповой общности, но не формируется как результат переживаемых внешних и/или внутренних противоречий. Именно в уточнении критериев определения социальной активности (в отличие от социальной деятельности) заключается научная новизна результатов представленного в данной статье исследования.

Говоря о целесообразности изучения деятельности молодых людей на конкретных территориях, стоит отметить, что особенно остро этот вопрос стоит для регионов северных широт. Климатогеографические особенности Арктики, ее социокультурные и экономические характеристики, и прежде всего демографическая динамика, обуславливают актуальность более детального изучения локальной моло-

¹ См.: Уксусов М.А., Жигунова Г.В. Базовая модель социальной активности социальных общностей и индивидов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 11 (177). – С. 44. DOI: 10.24158/tipor.2022.11.5.

дежной повестки с целью обеспечения национальной безопасности страны в данном регионе и устойчивого развития глобальной Арктики. Необходимость общественного развития, неотъемлемыми атрибутами которого являются молодежь и ее социальная активность, прямо или опосредованно отражена в подавляющем количестве стратегических и программных документов по развитию арктических территорий: Приоритетах Председательства Российской Федерации в Арктическом совете, Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, региональных стратегиях развития субъектов Арктической зоны Российской Федерации, государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» и др.

В связи с этим для выстраивания системы поддержки и развития социальной активности молодежи в Арктике необходимо понимать, каковы ее текущее состояние и возможные «болевы точки», противоречия, на которые стоит обратить внимание при реализации соответствующих программ, образовательных, культурных, общественных и прочих инициатив. Широкий анализ тематической повестки и практик социальной активности современной молодежи в Арктике во многом осложнен как отсутствием общепринятой методологической системы оценки деятельности молодежи, так и многообразием подходов к интерпретации понятий «молодежь Арктики» и «социальная активность» и рассмотрению соответствующих феноменов, а также множеством форм, типов и примеров социальной активности, реализуемой молодыми людьми в арктических регионах. Поэтому правомерным методом здесь может стать анализ информационного пространства, являющегося результатом стратегий позиционирования социальной активности молодежи и отражающего результаты и содержание этой деятельности на территории арктических регионов.

Эффективная реализация социальной активности часто подразумевает наличие стратегии позиционирования и коммуникации в информационном пространстве с целью повышения уровня осведомленности общества, привлечения различных форм содействия инициативам и продвижения качественных изменений в социуме. Для этого используются различные средства коммуникации: 1) посты

в социальных сетях; 2) традиционные медиа (газеты, журналы, пресс- и пострелизы и т.д.); 3) общедоступный онлайн-контент (видео, инфографика, картинки, статьи); 4) «бытовая» коммуникация (передача информации «из уст в уста», общественные собрания, устная агитация); 5) организация событийных мероприятий (конференции, концерты, демонстрации, пикеты); 6) задействование «инфлюенсеров» (партнерство со знаменитостями или людьми, занимающими высокопоставленные и общественно значимые должности); 7) таргетированная реклама. Важно отметить, что различная деятельность в рамках социальной активности может требовать разных подходов к использованию средств позиционирования и их комбинаций в зависимости от целей активности, ресурсов и состава целевой аудитории. Именно поэтому материалы подобного рода могут стать дополнительным содержательным источником для изучения социальной активности в общем и молодежи в частности.

Данная статья является продолжением серии исследований по теме социальной активности как «неотъемлемого атрибута фактически любой социальной общности»², к каковым относится и молодежь Арктики, а также самой категории молодежи Арктики, которая видится авторами как «целевая модель социальной общности, которая состоит из молодых людей, постоянно проживающих на территории Арктики (в пределах возрастных и территориальных границ, обоснованных прагматическим потенциалом функционирования данной общности), осознающих роль и специфику арктических территорий, а также стремящихся реализовать или уже реализующих себя в рамках продвижения и развития экологической, социальной и (или) экономической повестки Арктики»³. Последняя часть определения категории также демонстрирует ассоциирование данного понятия с феноменом «устойчивого развития», что, как уже было отмечено,

² Уксусов М.А., Жигунова Г.В. Базовая модель социальной активности социальных общностей и индивидов. – С. 38.

³ Уксусов М.А. Молодежь Арктики – категория дискурса, статистики и идентичности // Социальное пространство. – 2022. – № 4 (8). – С. 14. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.4.

актуализирует проведение обзора социальной активности молодежи в контексте анализа социального пространства Арктики.

Целью настоящего исследования является не компаративный или оценочный анализ активности молодежи, а выявление образа и тематической повестки практик социальной активности молодежи Арктики. Соответственно, *объектом* исследования выступает социальная активность молодежи Арктики, а *предметом* – образ и тематическая повестка социальной активности молодежи, формирующиеся в информационном пространстве. Образ социальной активности включает ее тип и региональную локализацию.

Под информационным пространством в статье подразумевается совокупность цифровых каналов передачи информации, включающих в себя информационные ресурсы, социальные сети и прочие материалы, в которых информация представляется в прагматически обработанном виде.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа сообщений в Интернет-пространстве на предмет формирования образа молодежной активности в Арктике была использована программа FileForFiles & SiteSputnik, которая позволяет автоматизировать и организовать поиск, сбор, мониторинг и анализ информации, размещенной в Интернете, посредством формирования запросов через ключевые слова и словоформы. Основными поисковыми запросами для программы стала формула *«корень названия территории* молодеж*»* – производные от слова «молодежь» и наименований территорий расселения молодых людей в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ). В некоторых случаях в запросе также использовался оператор «/» для отсека словообразовательных аффиксов. Глубина поиска – пять страниц с каждого запроса, сценарии поиска – «везде», язык запроса – русский. Выбор данной глубины обусловлен тем, что, как правило, на первых страницах выдачи поисковых систем находились наиболее популярные и авторитетные сайты, которые содержали актуальную информацию,

а дальнейший поиск приводил к выдаче нерелевантных источников или повторению уже полученной информации.

Уникальные результаты запросов по каждому из территориальных объединений были сведены и проанализированы на предмет наличия нерелевантных выбросов. Далее выборка была рассмотрена на наличие наиболее часто встречающихся Интернет-ресурсов (только письменные источники), которые были проанализированы на предмет содержания новостных информационных поводов за период с начала 2022 г. методом сплошной выборки или с использованием встроенных инструментов поиска. Полученная выборка могла состоять из массива ссылок на новостные порталы, сайты организаций и органов государственной власти, научные и научно-популярные статьи, посты в социальных сетях и т.д. Массив последних был ограничен ввиду характеристик пакета используемого программного продукта. Полученная информация была собрана табличным методом для дальнейшего описательного анализа. Поисковый запрос в программу по всем территориальным объединениям сформирован 02.11.2022.

Территориальными объединениями для формулирования поисковых запросов и соответствующего анализа стали муниципалитеты регионов, полностью входящих в АЗРФ (Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ), а также Республики Саха (Якутия) с населением около и более 30 тыс. чел. Количественное ограничение обусловлено тем фактом, что профессиональные медиаресурсы зачастую создаются в муниципалитетах с населением от 30 тыс. чел., так как в муниципалитетах с меньшим населением сообщения в Интернет-пространстве в основном представлены постами и комментариями в социальных сетях. Кроме того, релевантные примеры социальной активности населенных пунктов с меньшим числом жителей могут найти свое описание на ресурсах, тематически объединяющих повестку более крупных, «родовых» территориальных образований. Исключениями при отборе муниципалитетов стали Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ ввиду того, что ни один из их муниципалитетов, входящих в АЗРФ, не насчитывает 30 тыс. жителей. Именно поэтому ключевой словоформой для

них стал только корень названия субъекта, а глубина поиска – восемь страниц. Кроме того, один из поисковых запросов содержал производную словоформу от слова «Арктика». Муниципалитеты субъектов, входящих в АЗРФ частично (Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Архангельская область), не были включены в анализ на данном этапе по причине предполагаемой авторами гомогенности типов и форм социальной активности молодежи во всех субъектах Арктики. Однако они могут представлять интерес для дальнейших исследований как в контексте обзора тематики в компаративном аспекте, так и при более детальном изучении повестки внутри субъектов, а также для сопоставления результативности активности молодежи на национальном и международном уровнях.

В число примеров социальной активности были включены реализованные инициативы, формально подходящие под содержание модели социальной активности (рис. 1) и охватывающие такие элементы модели, как переживание источником активности (людьми) противоречия(й) X , степень напряженности X , деятельность по разрешению противоречия(й) $f(x)$, разрешение противоречия(й) Y , оценку Y и обратные связи в форме корректировки плана деятельности и пересмотра сущности противоречия⁴.

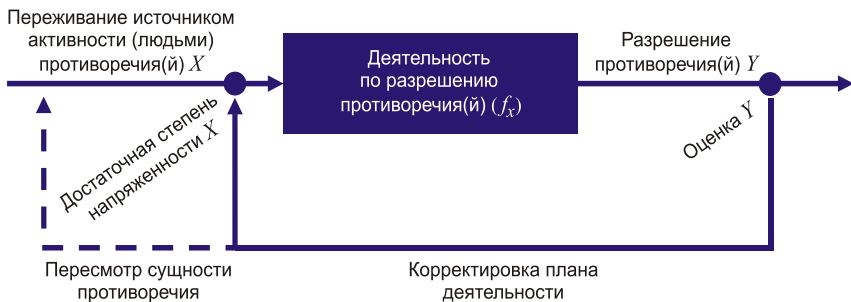

Рис. 1. Модель социальной активности как процесса

Источник: построено авторами

⁴ См.: Уксусов М.А., Жигунова Г.В. Базовая модель социальной активности социальных общностей и индивидов. – С. 43.

Предпочтение данного теоретического обоснования традиционному анализу в рамках типологий социальной активности обусловлено многообразием подходов к типологиям и возможной семантической ограниченностью каждого из типов активности, чего лишена базовая модель, кратко описанная выше.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общее количество ссылок на ресурсы, возвращенных запросами в программу, составило 3731 наименование. Количество ссылок по каждой территории запроса варьирует от 206 до 1343 (см. таблицу), что обусловлено объемами формул поискового запроса и соответ-

Распределение массива ресурсов по запросу

Терри- тория	Формула запроса	Кол-во ссылок	Основные ресурсы
Арктика	<i>!аркти* молодеж*</i>	206	—
Чукот- ский АО	<i>!Чукот* молодеж*</i>	210	Молодежный портал Чукотки, сайты городского округа Певек и «Анадырь – Онлайн»
Респуб- лика Саха (Якутия)	<i>!Якут* молодеж*</i>	288	Информационные порталы Якутское-Саха информационное агентство (ЯСИА), Yakutia-Daily, Якутия.Инфо, SakhaLife, Ykt.Ru, YakutiaMedia, сайты Целевого фонда будущих поколений Республики Саха (Якутия), проекта «100 лет со дня образования Якутской АССР», Ассоциации КМНС Якутии
Мурман- ская обл.	<i>мурманск* молодеж*; 'Мурманск* област*' молодеж*; апатит* молодеж*; северомор* молодеж*; мончегор* молодеж*; кандалак* молодеж*; оленегор* молодеж; !кольск* молодеж*; александровск* !кольск* молодеж*; печенгск* молодеж*</i>	1343	Сайты газеты «Вечерний Мурманск» и телекомпания «ТВ21», интернет-издания «KN51», «МК в Мурманске», «Мурманский вестник», сайты информационных агентств «Северпост» и «NordNews», сайт муниципального образования Печенгского района, официальный сайт администрации г. Мурманска и правительства Мурманской области

Окончание таблицы

Территория	Формула запроса	Кол-во ссылок	Основные ресурсы
Ненецкий АО	<i>!ненецк* молодеж*; !ненецк* автоном* окру* молодеж*; нарьян-мар* молодеж*</i>	542	Новостной агрегатор «БезФормата. Нарьян-Мар», сайт администрации г. Нарьян-Мар, портал государственных органов НАО, «Ненецкое информационное агентство – 24»
Ямало-Ненецкий АО	<i>!ямал* молодеж*; Янао молодеж*; Надым* молодеж*; !пуровск* молодеж*; Салехард* молодеж*; Муравленк* молодеж*; Нов* уренго* молодеж*; Ноябрьск* молодеж*</i>	1142	Официальный сайт управления по делам семьи и молодежи администрации г. Ноябрьск, сайт департамента молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого АО, информационное агентство «Север-Пресс – Новости Ямала», телеканал «Муравленко Медиа», сайт управления молодежной политики и туризма администрации Пуровского района, сетевое издание «Ямал-Медиа», сайт администрации Пуровского района

Источник: составлено авторами.

ствующим количеством муниципальных образований с населением более 30 тыс. чел. в каждом из субъектов. Ввиду наличия в выборке неподходящих по теме выбросов каждая из подборок анализировалась на предмет релевантной информации и ресурсов либо вручную, либо с использованием встроенных инструментов Microsoft Excel (фильтрация по уникальным адресам и подсчет упоминаний) для отбора наиболее часто встречающихся веб-адресов, количество упоминаний которых в общем массиве приближалось к 2% и больше.

Предварительный ручной и машинный анализы показали, что в выборке присутствовало большое количество материалов, затрагивающих тему молодежи Арктики, но не относящихся к описанию актуальных примеров ее социальной активности: информация об истории освоения Арктики, о событиях Великой Отечественной войны в Арктике, о состоянии региональной демографии и региональной экономики, исследовательские статьи, обзоры и авторефераты диссертаций, материалы о важности привлечения молодежи на Север

и о соответствующих мерах поддержки, реквизиты организаций, выступления и интервью представителей власти, анонсы конкурсов и мероприятий (основная масса ресурсов), информация об ознакомлении молодежи с промышленной инфраструктурой региона (что вряд ли может считаться формой социальной активности, так как данные мероприятия не были инициированы или организованы представителями молодежи), а также информация о развитии спортивной и городской инфраструктуры, об обучении молодых людей в рамках различных тренингов и образовательных программ, о работе «Пушкинской карты», о внутренних процессуальных аспектах работы молодежных органов самоуправления и т.д.

Основными типами ресурсов сети Интернет, содержащими информацию о социальной активности молодежи Арктики, стали веб-страницы различных средств массовой информации (новостные порталы и агрегаторы) и сайты государственных органов власти (комитетов, администраций муниципалитетов, региональных правительств и т.д.), на их долю пришлось соответственно 76 и 22%. При этом последние доминируют в таких регионах, как Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Среди прочих ресурсов (2% и менее) можно выделить сайты образовательных организаций, фондов и официальные страницы мероприятий.

Общий объем примеров социальной активности молодежи по анализируемым территориям, подходящих под разработанную модель социальной активности, составил 288 наименований с начала 2022 г. При анализе содержания информации удалось выявить следующие типы социальной активности молодежи: участие в мероприятиях конференционного типа (семинары, форумы, конференции, круглые столы, заседания и т.д.), в различных конкурсах, чемпионатах, соревнованиях и хакатонах, реализация представителями молодежи собственных проектов, участие в организации и проведении праздников и фестивалей, в различных акциях, волонтерских и профессиональных объединениях, проведение научных исследований и организация выставок (рис. 2). При этом информация о данных типах социальной активности представлена примерно равномерно по всем регионам, с некоторыми «выдающимися» показателями у Мурманской области

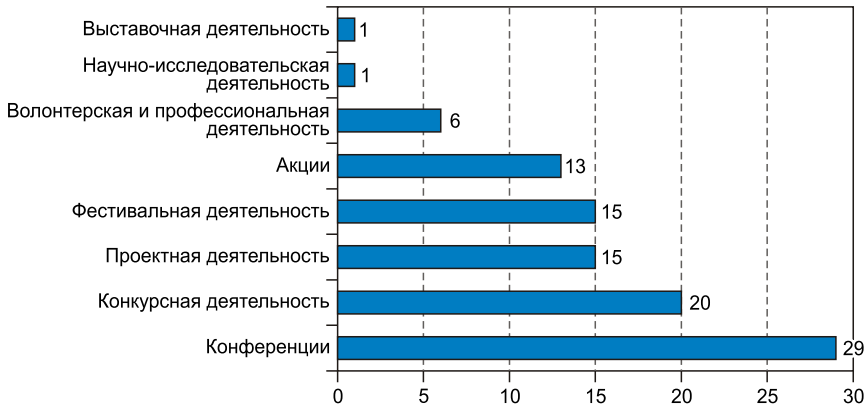

Рис. 2. Распределение типов социальной активности молодежи Арктики, %

Источник: построено авторами

(акции, фестивали и конкурсы), Ненецкого автономного округа (конференции) и Республики Саха (Якутия) (проекты).

Помимо типов социальной активности были проанализированы и тематики, с которыми связаны выявленные примеры социальной активности. Представлены комплексные мероприятия, охватывающие широкий спектр тематик с большим количеством тематических площадок, культурные и профессиональные инициативы, мероприятия, направленные на патриотическое воспитание и участие молодежи в политике и управлении делами региона, социально направленные инициативы и инициативы в области спорта, экологические мероприятия, научные исследования и досуговые мероприятия, проектный менеджмент, медиа-деятельность и журналистика, мероприятия по трудоустройству и деятельность в области ИТ (рис. 3).

Стоит отметить, что наиболее выраженными инициативами в целом стали комплексные мероприятия конференционного типа (все-российские, межрегиональные и окружные форумы и конференции, мероприятия Дня молодежи) – 13%, патриотические акции (в основном посвященные событиям Великой Отечественной войны и Специальной военной операции) – 6%, комплексные и культурные фестивали и праздники, а также конкурсы и проекты по теме культуры

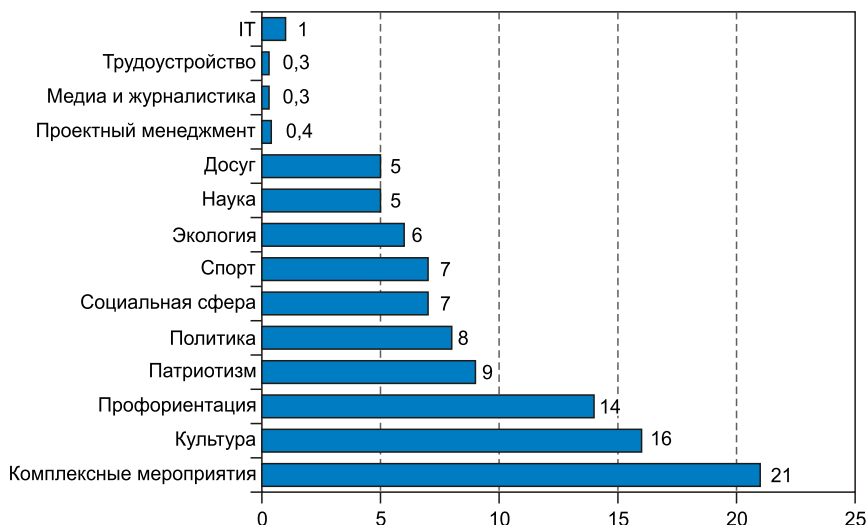

Рис. 3. Распределение тематик социальной активности молодежи Арктики, %

Источник: построено авторами

(Дельфийские игры, инициативы по сохранению местного культурного наследия и развитию стритарта, кинопроизводства и прочих сфер искусства) – по 5%.

Кроме того, для формирования понимания о потенциале молодежи Арктики была проанализирована информация о масштабе участия молодежи в социальной активности. Так, 77% активности было реализовано внутри рассматриваемого региона, 20% приходилось на проведение мероприятий и участие в них за пределами родного региона, менее 2% составила активность в рамках инициатив, реализуемых в онлайн-формате и при организации как внутри, так и за пределами рассматриваемого субъекта. Интересно, что, согласно анализируемым информационным ресурсам, чаще всего за пределами региона своего постоянного места жительства молодежь участвует преимущественно в мероприятиях конференционного типа (50%), в частности посвященных комплексной проблематике (29%), а в своем регионе – в комплексных конференциях (8%) и фестивалях (7%),

а также в патриотически направленных акциях (7,5%) и культурных проектах (5,5%).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Основная масса ресурсов по теме молодежи Арктики, представленная как в сформированных выборках, так и в выделенных источниках, наполнена анонсами мероприятий и приглашениями на них, а также информацией о пройденном обучении в рамках различных программ, тренингов и т.д. Данная информация не вошла в наш анализ, поскольку не может рассматриваться как примеры реализованной социальной активности или социальной активности, соответствующей модели, разработанной нами ранее (так как представители молодежи в подобных мероприятиях выступают как целевая аудитория и объект, а не как инициатор, т.е. осуществляют деятельность, а не активность). В то же время анализ выявленных релевантных ресурсов и примеров социальной активности позволил сделать следующие выводы и предположения.

Вывод 1. В Интернет-пространстве повестка, касающаяся молодежной социальной активности в нашем ее понимании, представлена в основном информацией с сайтов средств массовой информации и органов государственной власти, что изначально не было специальным ограничением для поискового запроса в программу. Тем самым образ молодежной социальной активности в Арктике формируется посредством именно данных ресурсов. Специфика формата таких публикаций зачастую не отражает, но позволяет предположить и интерпретировать существующие или возникающие противоречия, а также описать саму социальную активность, ее результат и необходимость итерации, если таковая возникает.

Вывод 2. Наиболее выраженными тематиками инициатив социальной активности стали мероприятия комплексного, культурного и профессионального характера. Комплексные инициативы чаще всего объединяют такие темы, как волонтерство, предпринимательство, креативные индустрии, медиа, разработка кейсов, экология и окружающая среда и т.д., культурные мероприятия направлены на развитие местных креативных сообществ, развитие искусства и сохра-

нение традиционной культуры, а профессиональные связаны с трудоустройством в местных компаниях.

Большинство из перечисленных аспектов часто имеют под собой в качестве основы арктическую специфику и, соответственно, подразумевают переживание молодежью противоречий определенного содержания как первичный этап развития социальной активности согласно разработанной нами модели. Прочие тематические направления социальной активности (патриотизм, медиа, спорт, политика и т.д.) имеют менее выраженный арктический «колорит» и в основном содержательно соответствуют общероссийской или глобальной повестке. Однако не все ресурсы (или как минимум информация, представленная на этих ресурсах) позволяют определить противоречия, переживаемые молодежью Арктики, и результаты социальной активности, вызванной этими противоречиями, а это показывает, что в результаты анализа попала и социальная деятельность.

Предположения:

- отсутствие разнообразия типов информационных ресурсов может ограничивать формирование образа социальной активности молодежи Арктики государственной повесткой и «мейнстримовыми» тематиками, при этом упускается из виду прочая подходящая под модель социальной активности деятельность;
- отсутствие ресурсов прочих организаций, включенных в реализацию молодежной активности, в Интернет-пространстве Арктики может быть следствием: 1) недостаточной степени овладения представителями организаций методиками цифрового продвижения и «сторителлинга»; 2) редкости или полного отсутствия результатов социальной активности молодежи; 3) ненадлежащего качества и ограниченности охвата ими инфоповодов и, соответственно, отсутствия у широкой общественности интереса к деятельности этих организаций; 4) отказа от использования слов, производных от «молодежь» и «активность», в описании своей деятельности;
- научное обоснование отличия социальной активности от социальной деятельности, отраженное в модели социальной активности, может в значительной степени повлиять на репрезен-

тацию социальной активности в Интернет-пространстве, что сделает возможным ее более глубокий анализ.

Данные выводы актуализируют необходимость дальнейших социологических, социолингвистических, а также филологических исследований молодежной социальной активности как в Арктике в целом, так и в отдельно взятых ее регионах и могут быть качественно и количественно дополнены или опровергнуты путем проведения аналогичного анализа данных по не вошедшим в обзор регионам, а также за счет расширения временных рамок исследования и формулировки семантически ограниченного запроса для возврата массива ресурсов. Кроме того, результаты настоящего исследования могут послужить основой для более детального и некомпаративного анализа данных, относящихся к каждому из субъектов, путем изучения социальных сетей и визуальных материалов релевантных институций, а также для разработки методологии оценки социальной активности молодежи как в Арктике, так и за ее пределами. В свою очередь, дальнейший и более детальный разбор тематической повестки социальной активности молодежи Арктики станет предпосылкой к анализу подобного рода деятельности в соответствии с положениями стратегических и программных документов по развитию российской и глобальной Арктики. Также предполагаемая возможность недостаточной степени реализации молодежной активности в Арктике может служить подтверждением того, что описанная в предыдущих исследованиях категория молодежи Арктики является не чем иным, как целевой моделью социально-групповой общности, а не уже существующей общностью.

Список источников

1. Акимова М.К., Галстян О.А. Типология социальной активности молодежи в зависимости от принятия нравственных нормативов // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 51–61.
2. Заграничный А.И. Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 4. – С. 95–98. DOI: 10.24158/spp.2019.4.16.
3. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2 (91). – С. 89–105. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105.

4. Ильиных С.А., Мельникова А.С. Социальный оптимизм и социальная активность молодежи: точки пересечения // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12 (92). – С. 40–45. DOI: 10.24158/spp.2021.12.5.
5. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
6. Кустикова Ю.О. Технология формирования социальной активности студента в воспитательной системе вуза // Педагогика искусства. – 2014. – № 1. – С. 165–171.
7. Попова С.Ю., Селезнева А.В. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития // Образование личности. – 2018. – № 2. – С. 96–103.
8. Соколова Е.С. Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 197–202.
9. Соколова Н.А., Черникова Е.Г. Исследование социальной активности молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 239–248.
10. Шамионов Р.М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8.
11. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 124–141. DOI: 10.17759/sps.2022130108.
12. Юдина А.М., Пронина А.А. Психолого-педагогический подход к исследованию социальной активности молодежи // Перспективы науки. – 2020. – № 4. – С. 217–219.
13. Akiva T., Carey R.L., Brown Cross A., Delale-O'Connor L., Brown M.R. Reasons youth engage in activism programs: Social justice or sanctuary? // Journal of Applied Developmental Psychology. – 2017. – Vol. 53. – P. 20–30.
14. Armstrong M. Modeling the Relationship Between a Social Responsibility Attitude and Youth Activism. – Georgia State University, 2011.
15. Collins P.H. Intersectionality, black youth, and political activism // The Oxford Handbook of Global South Youth Studies. – 2021. – P. 123.
16. Earl J., Maher T.V., Elliott T. Youth, activism, and social movements // Sociology Compass. – 2017. – Vol. 11, No. 4. – P. 1–14. DOI: 10.1111/soc4.12465.
17. Silke C., Brady B., Boylan C., Dolan P. Factors influencing the development of empathy and pro-social behaviour among adolescents: A systematic review // Children and Youth Services Review. – 2018. – Vol. 94. – P. 421–436. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.07.027.
18. Velasquez A., LaRose R. Youth collective activism through social media: The role of collective efficacy // New Media and Society. – 2015. – Vol. 17, No. 6. – P. 899–918. DOI: 10.1177/146144481351839.

Информация об авторах

Уксусов Михаил Андреевич (Россия, Мурманск) – старший преподаватель кафедры иностранных языков Мурманского арктического университета (183010, Мурманск, ул. Спортивная, 13). E-mail: mixail9693@mail.ru.

Александрова Елена Владиславовна (Россия, Мурманск) – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Мурманского арктического университета (183010, Мурманск, ул. Спортивная, 13). E-mail: aevea@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240206

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 2 (122), p. 137–156

М.А. Uksusov, E.V. Aleksandrova

ARCTIC YOUTH SOCIAL ACTIVISM: PRACTICES, THEMATIC AREAS, AND MEDIA IMAGE

This study examines the image and thematic areas of youth social activism forming within the information landscape of Arctic regions. Through the analysis of online publications, the authors aim to delineate the attributes of social activism among young individuals in Arctic communities. The findings of the study yield the following insights. First, the image of social activism among Arctic youth primarily stems from mass media and governmental sources, lacking representation from any websites of educational institutions, scientific bodies, non-profit organizations, or business ventures. Second, event-based and episodic initiatives prevail, which does not depict best practices of social activism and their societal contributions. Third, prominent themes encompass multifaceted cultural and professional events, suggesting a sense of identity among Arctic youth, yet coverage of youth entrepreneurship, research, journalism, blogging, volunteering, leisure, IT, and project activities is scant or nonexistent. Forth, information on youth social activism tends to spotlight regional endeavors, while initiatives at national and interregional levels often highlight activities beyond the Arctic region. These conclusions are complemented by conjectures regarding potential causes and repercussions of the identified phenomena, approached from sociological and sociolinguistic perspectives.

Keywords: Arctic; youth; Arctic youth; social community; social activism; media image

For citation: Uksusov, M.A. & E.V. Aleksandrova. (2024). Sotsialnaya aktivnost molodezhi Arktiki: praktiki, tematicheskaya povestka i media-obraz

[Arctic youth social activism: Practices, thematic areas, and media image]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (122), 137–156. DOI: 10.15372/REG20240206.

References

1. *Akimova, M.K. & O.A. Galstyan.* (2019). Tipologiya sotsialnoy aktivnosti molodezhi v zavisimosti ot prinyatiya npravstvennykh normativov [Typology of youth social activity depending on the adoption of moral standards]. *Voprosy psikhologii* [Issues in Psychology], 3, 51–61.
2. *Zagranichnyy, A.I.* (2019). Osobennosti proyavleniya sotsialnoy aktivnosti molodezhi v virtualnoy i realnoy sredakh [The aspects of the social involvement of the youth in virtual and real environments]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 4, 95–98. DOI: 10.24158/spp.2019.4.16.
3. *Zubok, Yu.A. & Yu.V. Berezutskiy.* (2020). Sotsialnaya aktivnost molodezhi: mirovozzrencheskie osnovaniya samoregulyatsii [Social activity of youth: Ideological foundations of self-regulations]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2 (91), 89–105. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105.
4. *Ilyinykh, S.A. & A.S. Melnikova.* (2021). Sotsialnyy optimizm i sotsialnaya aktivnost molodezhi: tochki peresecheniya [Social optimism and social activity of youth: Points of intersection]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 12 (92), 40–45. DOI: 10.24158/spp.2021.12.5.
5. *Kostina, E.Yu. & N.A. Orlova.* (2022). Sotsialnaya aktivnost i sotsialnaya otvetstvennost v predstavleniyakh i praktikakh sovremennoy molodezhi [Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], Vol. 13, No. 1, 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
6. *Kustikova, Yu.O.* (2014). Tekhnologiya formirovaniya sotsialnoy aktivnosti studenta v vospitatelnoy sisteme vuza [Technology of formation of social activity of the student in educational system of higher education institution]. *Pedagogika iskustva* [Pedagogy of Art], 1, 165–171.
7. *Popova, S.Yu. & A.V. Selezneva.* (2018). Sotsialnaya aktivnost molodezhi: sostoyanie problemy i perspektivy razvitiya [Social activity of youth: Status, problems and prospects for development]. *Obrazovanie lichnosti* [Personality Formation], 2, 96–103.
8. *Sokolova, E.S.* (2011). Sotsialnaya aktivnost sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Social activity of contemporary Russian youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 197–202.
9. *Sokolova, N.A. & E.G. Chernikova.* (2015). Issledovanie sotsialnoy aktivnosti molodezhi [A study of the social activity of youth]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University], 3, 239–248.
10. *Shamionov, R.M.* (2019). Sotsialnaya aktivnost molodezhi: sistemno-diakhronicheskiy podkhod [Social activity of youth: A systematic diachronic approach]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal], Vol. 16, No. 1, 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8.

11. *Shamionov, R.M., E.E. Bocharova & E.V. Nevsky.* (2022). Rol tsennostey v priverzhennosti molodezhi razlichnym vidam sotsialnoy aktivnosti [The role of values in the commitment of young people to various types of social activity]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], Vol. 13, No. 1, 124–141. DOI: 10.17759/sps.2022130108.
12. *Yudina, A.M. & A.A. Pronina.* (2020). Psikhologo-pedagogicheskiy podkhod k issledovaniyu sotsialnoy aktivnosti molodezhi [Psychological and pedagogical approach to studying social activity of youth]. *Perspektivy nauki* [Science Prospects], 4, 217–219.
13. *Akiva, T., R.L. Carey, A. Brown Cross, L. Delale-O'Connor & M.R. Brown.* (2017). Reasons youth engage in activism programs: Social justice or sanctuary? *Journal of Applied Developmental Psychology*, 53, 20–30.
14. *Armstrong, M.* (2011). Modeling the Relationship Between a Social Responsibility Attitude and Youth Activism. Georgia State University.
15. *Collins, P.H.* (2021). Intersectionality, black youth, and political activism. *The Oxford Handbook of Global South Youth Studies*, 123.
16. *Earl, J., T.V. Maher & T. Elliott.* (2017). Youth, activism, and social movements. *Sociology Compass*, Vol. 11, No. 4, 1–14. DOI: 10.1111/soc4.12465.
17. *Silke, C., B. Brady, C. Boylan & P. Dolan.* (2018). Factors influencing the development of empathy and pro-social behaviour among adolescents: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 94, 421–436. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.07.027.
18. *Velasquez, A. & R. LaRose.* (2015). Youth collective activism through social media: The role of collective efficacy. *New Media and Society*, Vol. 17, No. 6, 899–918. DOI: 10.1177/146144481351839.

About Authors

Uksusov, Mikhail Andreevich (Murmansk, Russia) – Senior Lecturer at the Foreign Languages Department, Murmansk Arctic University (13, Sportivnaya St., Murmansk, 183010, Russia). E-mail: mixail9693@mail.ru.

Aleksandrova, Elena Vladislavovna (Murmansk, Russia) – Candidate of Sciences (Philology), Head of the Foreign Languages Department, Murmansk Arctic University (13, Sportivnaya St., Murmansk, 183010, Russia). E-mail: aevea@mail.ru.

Поступила в редколлегию 09.03.2023.

После доработки 27.06.2023.

Принята к публикации 03.07.2023.

© Уксусов М.А., Александрова Е.В., 2024